УДК 316.3

АНТОНОВ Д.А.

Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества

В статье на основе использования малоизученного понятия идентитета общества, позволяющего раскрыть содержание его (общества) идентичности, исследуется специфика российского общества как общества, исторически сложившегося коллективистским. Показано, что важнейшими составляющими данной специфики выступают соборность и общинность, предъявляемые как ключевые определения идентитета российского общества и доказывающие обоснованность его (российского общества) признания в качестве общества коллективистского.

Ключевые слова: идентитет, идентичность, соборность, общинность, коллективистское общество, российское общество.

В современных социально-философских исследованиях начинает использоваться понятие идентитета общества. К примеру, об идентитете общества рассуждают С.В. Туровская, В.Д. Соловей, Н.М. Чуринов, раскрывая это понятие как специфику общества – совокупность присущих обществу характерных черт, свойств, качеств, благодаря которым каждое общество выступает по-своему определенным, т.е. обладает своей идентичностью, определенностью. Характерные черты, свойства, качества общества являются составляющими специфики общества, а в контексте использования понятия идентитета общества – определениями идентитета, в совокупности своей образующими определенность (идентичность) общества.

В этой связи исследовательский интерес представляет утвердившаяся в науке фундаментальная классификация обществ по характеру их социальности, в рамках которой различаются общества индивидуалистического и коллективистского типов. Определяя себя как коллективистское, общество тем самым предъявляет свою идентичность. В свою очередь понятие идентитета общества позволяет понять те особенности жизни общества, на основе которых такая идентичность формируется, раскрывает ее (идентичности) содержание.

Следует отметить, что раскрытие идентитета коллективистского общества представляется делом чрезвычайной актуальности на фоне постоянно предпринимаемых тенденциозных попыток сознательного принижения специфики данного типа общества, доказательства того, что общества коллективистского типа предстают как «недоразвитые», «регрессивные» и т.д. Историческая практика жизнеутверждения коллективистских обществ преподносит разные оформления коллективистской социальности, которые крайне существенны в контексте раскрытия их (коллективистских обществ) идентитетов. В частности, для народов Средней Азии оформлением коллективистской социальности стал «хашар» – имеющая глубокие исторические корни традиция работать всем миром с целью преодоления общих трудностей – яркий пример коллективной поддержки и помощи. Одно из оформлений коллективизма исламских народов в целом выражено понятием

«умма» – сообщество верующих, т.е. весь исламский мир.

Российское общество исторически в силу объективных условий и субъективных факторов жизнедеятельности также сложилось коллективистским и, будучи таковым, успешно самоутверждалось. В ходе этого многовекового самоутверждения был естественным образом сформирован и укреплен идентитет российского общества, позволяющий выделить такие его значимые определения, как соборность и общинность.

Идея соборности приобрела особое значение в процессе жизнеутверждения российского общества. Впервые понятие соборности упоминается в одном из Символов христианской веры: «Веруем… во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Соборность в христианской традиции понимается как церковное единение христиан в любви, вере и жизни. Но именно Русская Православная Церковь придала идее соборности особое значение, а наиболее полно это понятие впервые было раскрыто в трудах славянофила А.С. Хомякова. Соборность понимается А.С. Хомяковым как органическое единство, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви. В религиозном значении применительно к практике жизни российского общества соборность предстает как духовное единство людей в лоне Православной Церкви, осознание себя в качестве православного народа – устроителя великой державы. В этом значении соборность развертывается как определенная установка религиозного сознания людей, скрепляющая их помыслы и устремления. Отсюда, уже в светском значении, соборность может быть раскрыта как характеристика совершенства общественных отношений.

В дальнейшем идея соборности была воспринята и раскрыта философами «серебряного века». Г.В. Флоровский в своем религиозно-философском учении определяет Церковь как «соборную личность». Согласно Л.П. Карсавину, соборность – это симфония, гармоническая согласованность, всеединство. Отталкиваясь от идеи соборности, философ ввел синонимичное понятие «симфоническая личность». Симфоническая личность предстает как единство индивидуальных личностей, следовательно, и общество в целом определяется данным понятием. Л.П. Карсавин раскрывает диалектический характер содержания жизни общества, определяемого как «симфоническая (соборная) личность». «… Соборное… действие, – пишет мыслитель, – не является действием отвлеченным… Оно всеедино, т.е., совершаясь во всех, в каждом, совершается по-особому, соответственно его индивидуальности. Но оно все-таки должно быть и действием всех, т.е. предполагает согласованность и согласие всех»[1].

При этом заметим, что славянофилы явились основоположниками идеи различения обществ в отечественном теоретизировании, мыслители «серебряного века» продолжили ее разработку. В этой связи упоминаемые выше понятия «соборность», «симфония» выступали в качестве фундаментальных определений идентитета российского общества как общества коллективистского, выражали устремленность отечественных философов на уровне научного теоретизирования исследовать и поддерживать адекватные основы его (российского общества) идентичности.

Пожалуй, самое основательное социально-философское осмысление понятия соборности, его понимание в контексте как духовной, так и светской жизни общества, в частности российского, предложил отечественный мыслитель С.Л. Франк. «Соборность, – пишет он, – … есть «органически неразрывное единство «я» и «ты», вырастающее из первичного единства «мы»[2]. По мнению исследователя, соборность предполагает единомыслие, единодушие, общность судьбы и жизни объединенного множества людей, возможность любви к соотечественникам, теплоту внутреннего родства и взаимопонимание с полуслова и именно поэтому формируется в условиях жизни именно коллективистского общества – общества, естественным образом способного быть соборным. И в этой связи соборность выступает значимой отличительной чертой жизни российского общества – определением его идентитета. Не случайно С.Л. Франк подчеркивал, что общечеловеческие категории не имеют соборного смысла, ибо невозможно установить

отмеченные выше соборные отношения в рамках всего человечества как абстрактной массы «людей вообще».

Для предъявления коллективистской специфики российского общества Н.А. Бердяев использует в качестве синонима понятия «соборность» понятие «коммюнотарность». Философ пишет: «Коммюнотарность есть... общность и братство в отношениях людей»[3]. При этом вполне объясним тот факт, что данное понятие философ употребляет в альтернативном по отношению к понятию «коллективизм» значении. Дело в том, что это не отрицание последнего, а попытка вскрыть одно из его метафизических толкований, согласно которому «коллективизм» есть подавляющая индивидов коллективная реальность. Поэтому «коммюнотарность», по сути, является иным (соборным) пониманием коллективизма, адекватным объективно сложившейся коллективистской специфике жизни российского общества.

По мнению А.С. Панарина, соборность более всего была проявлена в московском периоде истории нашего Отечества (от конца татаро-монгольского ига до начала петровских реформ), в период, когда русские люди определяли, мыслили себя как православный народ – хранитель и защитник великой святоотеческой традиции. «Не племенное чувство и не имперская гордыня скрепляли идентичность русских людей московского периода, а православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении святой апостольской вере»[4], – отмечает исследователь.

Эмигрировавший в Англию искусствовед И. Голомшток утверждает: «Соборность – типично русское понятие, но я продолжаю считать, что национальные особенности здесь ни при чем. Каждый народ проходит стадию коллективного сознания. Потом это рассыпается. Русское сознание просто отстало от европейского»[5]. Действительно, тот факт, что понятие соборности с русского языка непереводимо ни на один из других языков мира, даже на немецкий – всеобъемлющий по философской терминологии, уже говорит о соборности как об исторически сложившейся отличительной черте жизни российского общества, т.е. как об определении его идентитета. Относительно же отставания в развитии сознания позволим категорически не согласиться, поскольку исходим из необходимости познания обществ такими, какими они сложились в социальной действительности в силу объективных условий и субъективных факторов.

В этой связи точка зрения современного российского исследователя В.С. Семенова предстает более объективной. «В России, – пишет В.С. Семенов, – традиция приоритета в бытии людей социального единения выражалась в повседневных отношениях социального общения людей, их общинности, товарищества, коллективизма. Всегда это была огромная и тесная социальная связанность людей между собой, живущих вместе, активно помогая друг другу. Это проявлялось... в русской общине, соборности. В совокупности духовность и коммунальность, социальность с самого начала были и остаются двумя главнейшими отличительными чертами цивилизационного облика и цивилизационного развития народов России»[6]. Исследователь также акцентирует внимание на соборности как важном определении идентитета российского общества.

Если идея соборности в большей степени характеризует особые духовные (православные) начала коллективистской социальности российского общества, то понятие «общинность» является определением специфичного светского уклада его жизни.

Как уже было отмечено, с первобытных времен наблюдалось достаточно четкое разделение общин, из которых развивалось человеческое общество, на два основных типа – родовые, формировавшиеся по кровнородственному признаку, и соседские, формировавшиеся по признаку совместного проживания. Их отличительные особенности были обусловлены спецификой внутриобщинных отношений.

В родовой общине каждый ее член имел определенный от рождения социальный статус. Поскольку родственные связи выступали в качестве ключевого фактора, определяющего общественные отношения данного типа общины, то данный по праву рождения социальный статус имел индивидуальный характер.

В соседской же общине статус давался, исходя из личных способностей ее рядового члена. Кровнородственные связи не определяли общественные отношения внутри общины, вследствие чего члены общины были свободны от взаимных формальных обязательств, а на первое место выступала необходимость совершенствования общественных отношений.

В этой связи важно учитывать, что возникавшие в Западной Европе общины являлись родовыми и формировались по кровнородственному признаку. В свою очередь древними славянами создавались общины соседские, и общинность в данном случае выступала как характеристика крепких общественных отношений. Именно в этом значении мы рассматриваем данное понятие (общинность).

Общинность российского общества была всесторонне исследована философами-славянофилами, разработавшими теорию общинности. Радея за судьбы Отечества, последние усматривали в ней важнейшее определение идентитета российского общества, одну из наиболее значимых основ поддержания его идентичности, выражающую одновременно особенности государственного устройства России, хозяйственный быт, характер русского народа.

Славянофил В.Н. Лешков в статье «Еще о русском воззрении на науку и начале общинности в древней России», во-первых, основываясь на исторических фактах доказывает, что общинность естественным образом стала особой формой общественной жизни русского народа, характеристикой его общественных отношений, во-вторых, проводит уже отмеченное нами важное различение родового и общинного быта, а общиннность рассматривает как синонимичное общинному быту понятие. «... общинность, естественно, означает особую форму общественной жизни народа, – отмечает исследователь. – Община есть название для той связи лиц, которою живут они в известном месте, городе, посаде, селе; общинность есть обозначение для жизни всего народа, если он живет по городам, посадам, селам, общинам. Жил ли наш народ такою жизнию, жил ли он городами, селами, деревнями? Странно и предлагать подобный вопрос людям, которые не совершенные невежды в истории России. Исконная древность Киева, Новгорода, Смоленска, Суздаля и т.д., неизведанная старина сельских поселений, о которых упоминают древнейшие акты княжеских завещаний или договоров и правительственные книги писцевые, окладные и т.д., все это ставит вопрос вне всякого сомнения»[7].

Обозначив общинность как исторически сложившуюся черту жизни российского общества, далее В.Н. Лешков, вступая в полемику с западниками, задается вопросом о том, а могли ли быть устроены древнерусские общины на началах родового быта. В этой связи мыслитель отмечает стремление западников доказать, что, например, Новгород, Киев, Смоленск были построены родичами, населены родичами и управлялись по родовым законам. И их не смущает вопрос о родстве тысячи, десятков тысяч родственников, сознающих свое родство, имеющих в среде своей родоначальника и повинующихся ему, как общему отцу. Противоположная же западникам сторона (славянофилы), по утверждению исследователя, в таком факте совместного проживания людей обнаруживает несостоятельность предположения о существовании родового быта, находит в городах, посадах, селах, деревнях множество разнообразных семейств и фамилий, родов и племен и приходит к заключению, что эта «разнородная масса связывалась не родством, управлялась не родовым произволом, а правилами, которые вытекали из общей жизни, общих нужд и общих польз всего населения, по началам общинности»[8].

Как видим, отвечая на поставленный вопрос, В.Н. Лешков выходит на отмеченное выше понимание общинности как объективно сложившейся в древнерусский период жизни российского общества характеристики его общественных отношений, обусловленной правилами «общей жизни, общих нужд и общих польз всего населения». Славянофил приходит к выводу, что «общинность городов с их вечем, собственным судом и управлением не подлежит сомнению, и мы можем пристать к стороне, доказывающей, что русский народ древности жил и действовал по началам

общинности, а не родовой или патриархальной связи» [9], именно «русская общинность содействовала союзу народа в обществе и в государстве, родила... различия от Запада, образовала Русскую историю»[10].

Ю.Ф. Самарин следующим образом раскрывал сущность общинного быта в России: «Семейство и род представляют вид общежития, основанный на единстве кровном; город с его областью – другой вид, основанный на единстве областном и позднее епархиальном; наконец, единая, обнимающая всю Россию государственная община – последний вид, выражение земского и церковного единства. Все эти формы различны между собою, но они суть только формы, моменты постепенного расширения одного общинного начала, одним [желанием] жить вместе в согласии и любви, [желанием] сознанным каждым членом общины как верховный закон, обязательный для всех и носящий свое оправдание в самом себе, а не в личном произволении каждого. Таков общинный быт в существе его»[11]. Таким образом, согласно Ю.Ф. Самарину, общинность пронизывает все уровни жизни российского общества и именно поэтому рассматривалась славянофилами в качестве самой значительной его (российского общества) отличительной черты жизни, наиболее важным проявлением его коллективистской социальности, а следовательно, определением его идентитета.

И.С. Аксаков, развивая теорию общинности, исследуя объективные условия жизни Отечества, справедливо отмечал, что «условия нашего политического устройства и наши государственные идеалы должны быть совершенно иные, чем в Европе, где или вовсе нет оседлого сельского населения, или же очень мало, и во всяком случае нет таких громадных масс народа, обеспеченных на долгие веки землею, прочно сидящих на основах поземельного общинного владения, крепко сплоченных общинной организациею»[12].

Сельская община для славянофилов обоснованно раскрывала содержание идентитета российского общества, и потому они были ярыми ее защитниками, предлагая взглянуть на сельскую общину с учетом безусловной необходимости прогрессивного развития России в сложившихся к тому времени условиях («Община промышленная есть или будет развитием общины земледельческой»[13], – утверждал А.С. Хомяков), прогресса не по пути заимствования чуждого и противоестественного, а по пути сохранения и дальнейшего развития идентичности российского общества, фундаментом которой является его (общества) объективно сложившийся идентитет. «... у нас есть село, – пишет И.С. Аксаков, – чего уж почти нет на Западе, и ... в нашем селе лежит залог нашей силы, зерно нашего органического своеобразного развития. Село – вот, скажем кстати, заглавие того ученого труда, к которому мы призываем наших статистиков, экономистов, политиков, юристов и пр., и пр., – село с его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленным, фабричным и заводским производством, село пашенное, село торговое, село с неотъемлемым от него общинным обычаем, с общинным самоуправлением»[14].

На исторически сложившемся общинном быте русского народа как черте его отличительности делали акцент и идейные противники славянофилов – западники. К.Д. Кавелин, будучи в первую очередь правоведом, яростно критиковал общинный быт славян, так как он имел «юридическую неопределенность»[15]. Изучая терминологию российских крестьян, сохранивших наиболее полно обычаи, нравы древних славян, К.Д. Кавелин пишет о том, что все отношения они понимают под формами родства. Так, помещика крестьяне называют отцом, себя – его детьми. Младшие называют старших дядями, дедами, тетками, равные – братьями, сестрами. И эта терминология, как отмечает исследователь, не была введена насильственно, она сложилась естественным образом в стародавние времена, как и остальные особенности русского народа.

В целом общинность российского общества была объективно необходимой чертой его жизни в непростых геополитических (постоянные военные агрессии с Востока и Запада), географических (большая территория земли, требующая повсеместного освоения), климатических (суровый климат) условиях. В таких условиях прежде всего предельно актуализировался

вопрос выживаемости общества, добиться которой было возможно только на основе наличия крепких общественных отношений, установлению и развитию которых способствовал общинный уклад жизни российского общества.

В этой связи И.В. Киреевский, конструктивно анализируя особенности жизни в России и на Западе, отмечал следующее: «Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада, и во-первых: образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему... Это общество не было самовластное и не могло само себя устроивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других им подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постепенно распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение – в обычай, который заменял закон, устроивая по всему пространству земель, подвластных нашей церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни»[16].

Таким образом, традиция общинного устроения общественной жизни (традиция общинности) в исследованиях славянофилов предстает как воплощение принципов социальности коллективистского типа, присущей российскому обществу. При этом важно отметить, что теория общинности разрабатывалась отечественными исследователями на основе предпочтенной ими диалектической методологической традиции и поэтому предстает как образ действительности, отражающий жизнь российского общества. Данная теория-образ является существованием сущности прообраза, в качестве которого выступает общественная жизнь России.

На современном этапе развития отечественной социально-философской мысли общинность продолжает раскрываться в качестве одного из важнейших определений идентитета российского общества.

Именно в таком качестве предъявляет общинность С.Г. Кара-Мурза. Исследователь анализирует дискуссию между марксистами и народниками в отношении перспектив развития капитализма в России и критические высказывания первых в отношении крестьянской общины как фактора, сдерживающего развитие капитализма, объясняет следующим образом: «Это... типично либеральный взгляд. Он сводится к простой мысли: быть свободным индивидом лучше, чем входить в солидарный человеческий коллектив. Община и свободный индивидуум вообще-то исходят из разных мироощущений...»[17]. «Разными мироощущениями» являются разные идентитеты. И если свобода выступает одним из фундаментальных определений идентитета западного индивидуалистического общества, создающего благоприятную адекватную основу для успешного развертывания капиталистического способа производства, то общинность предстает не как сдерживающий развитие капитализма фактор, а в качестве одного из определений идентитета российского общества как общества коллективистского, требующего развертывания адекватной специфике общества системы материального производства.

В ряде современных исследований обращение к общинности вызвано необходимостью поиска основ формирования национальной идеи как устремленности к решению проблемы идентичности современного российского общества. Именно в этом русле А.М. Новиковым предъявлена работа «Национальная идея России. Возможный подход», в которой для автора, вкладывающего в понятие «менталитет общества» содержание, синонимичное понятию идентитета общества, «общинность... является неотъемлемой чертой российского менталитета»[18].

Раскрывая свое положение, исследователь отмечает: «Менталитет россиянина... общинный... – «один за всех и все за одного». Каждому читателю хорошо,

наверное, известны выражения: «всем миром», «с миру по нитке – голому рубашку». Так вот, «мир» в этом смысле – это деревенская община, которая всегда основывалась на взаимопомощи и взаимовыручке»[19]. При этом показательно, что автор рассуждает об идентитете в целом и общинности в частности именно российского общества, пишет о менталитете именно россиянина, а не только русских, справедливо указывая на факт свойственности общинности «народам с мусульманской историей и с буддистской»[20]. В результате А.М. Новиков формулирует вывод о том, что «общинность свойственна... почти всем народам и народностям, населяющим Россию»[21].

Таким образом, сделаем следующие выводы.

Во-первых, на уровне теоретизирования отечественными философами XIX – начала XX вв. были предприняты значительные усилия по осмыслению отличительных, объективно сложившихся особенностей жизни российского общества, наиболее важными из которых выступают соборность, общинность, особый народный характер. Эти особенности предстают как определения идентитета российского общества, раскрывающие содержание его идентичности.

Во-вторых, определения идентитета российского общества убедительно характеризуют его как общество коллективистское. И если на протяжении многих веков своей жизни российское общество утверждало себя, оставаясь коллективистским, следовательно, в коллективисткой социальности заложено важное содержание его идентичности.

В-третьих, определения идентитета российского общества как общества коллективистского являются естественным результатом взаимодействия субъективных факторов и объективных условий его (российского общества) жизнеутверждения.

В-четвертых, раскрывая идентитет российского общества как общества коллективистского типа, мы исходим из необходимости поддержания его (общества) адекватной идентичности с учетом всех современных реалий, его адекватного самоопределения на текущем этапе развития. В этой связи в современных условиях жизни России соборность предстает как основа ее духовного единства, общинность – как особое качество отношений между индивидами. Это, в свою очередь, придает особую актуальность изучению вопроса развития идентитета общества, в том числе российского.

---

[1] Карсавин Л.П. Сочинения. М.: Раритет, 1993. С. 209.

[2] Франк С Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 60.

[3] Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Сварог и К, 1997. С. 496.

[4] Панарин А.С. URL: http://www.patriotica.ru/religion/panarin_prav.html (дата обращения: 24.11.2012)

[5] Гулыга А.В. URL: http://www.patriotica.ru/religion/gulyga_rusidea.html (дата обращения: 24.11.2012).

[6] Семенов В.С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 30.

[7] Лешков В.Н. URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/06/07/ewyo_o_russkom_vozzrenii_na_nauku_i_nachale_obwinnosti_v_drevnej_rossii/ (дата обращения: 25.11.2012).

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М.: Терра, 1997. С. 29.

[12] Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 305.

[13] Хомяков А.С. О сельской общине / А.С. Хомяков, И.В. Киреевский // Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 133.

[14] Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 308.

[15] Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С. 24.

[16] Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 122.

[17] Кара-Мурза С.Г. URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a3.htm#hdr_4

[18] Новиков А.М. Национальная идея России. Возможный подход. М.: Эгвес, 1999. С. 4.

[19] Там же. С. 3–4.

[20] Там же. С. 4.

[21] Там же. С. 4.